

Е. Е. Барсук
Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XV – XVIII ВЕКАХ

Рассмотрены особенности репрезентации исторического прошлого белорусов в XV–XVIII вв. – традиционное историописание и эволюция его форм от летописания (Летописец Великих князей Литовских 1446 г., Хроника Великого княжества Литовского, 20-е гг. XVI в.), произведений католической и антиуниатской религиозно-полемической литературы конца XVI – начала XVII вв. до мемуаров (дневников и воспоминаний) середины XVII–XVIII вв.

Многочисленные дискуссии о содержании исторической репрезентации народа потребовали осознания роли исторической памяти как интегрирующего фактора развития общества. Самыми насущными в это связи являются вопросы: как люди воспринимали события, современниками или участниками которых они были, как они их оценивали, хранили и передавали информацию об этих событиях. Может это односторонний или расплывчатый образ, запечатленный в памяти как истинный рассказ о происшествии. Или это комплексная картина исторического опыта, которая отражала взгляды и предпочтения, ценности авторов этих свидетельств или исторических источников.

Осознание прошлого у индивида или социальной группы может складываться на основе устной традиции, которую можно определить как объем знаний, передаваемых из уст в уста на протяжении нескольких поколений, являясь коллективным достоянием членов общества. Однако, как хранились и передавались устной традицией легенды о деяниях предков, которые затем нашли отражение в исторических сочинениях? Ведь именно из устных воспоминаний черпали большинство сведений те, кого сегодня называют первыми историками – Геродот и Фукидид. Средневековые летописцы и историки также зависели от устной традиции. Что и как они рассказывали о событиях, как от эпохи к эпохе менялись акценты в повествованиях, какие новые смыслы вписывались в готовый сюжет?

Компаративный анализ традиционного историописания позволяет говорить о наличии двух моделей репрезентации исторического прошлого: это – эпос и хроника. Главная функция эпоса заключается в коммеморации героя (закреплении его образа или прославлении, рассчитанном на эмоциональное восприятие слушателями). Текст хроники требует понимания. Он сообщает о событиях с обязательным указанием хронологии, тогда как в эпосе абсолютные даты отсутствуют [1, с. 14].

Средневековые хронисты особенно интересовались происхождением мира, народа, знатного рода или государства. Они стремились проследить развитие своего предмета от легендарного начала до текущего времени. Однако их «знания о прошлом» были

ориентированы на настоящее и решали актуальные задачи, в основном, политические. Повествуя о славных деяниях королей, епископов, пап или святых, авторы историописаний использовали прошлое как аргумент для решения текущих проблем – например, доказательства статуса или подтверждения притязаний. При этом хронисты были убеждены в правоте своих действий.

Средневековые европейские хроники и восточнославянские летописи обязательно содержали т.н. этногенетическую концепцию, определявшую принадлежность к роду, племени, народу, государству и объяснявшую династическую генеалогию. Главным и бесспорным аргументом произведений XV–XVII вв. был библейский сюжет, согласно которому родословная всех народов мира берет свое начало после Всемирного потопа от сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета (Бытие, гл. 10, 32). Европейские народы произошли от потомков Иафета, а родоначальником славян был его шестой сын, Мосох (Мешех), который упоминается неоднократно в книге Пророка Иезекиила (Иезекиил, гл. 27, 13, гл. 38, 2–3, гл. 39, 1).

Такой традиции историописания придерживался и автор «Повести временных лет» Нестор, повествовавший об общем происхождении славян от библейского предка Иафета и его сына Мосоха. Он приписывал заслугу создания древнерусского государства представителям варяжской династии Рюриковичей.

Первоначально белорусские летописи находились в рамках древнерусской летописной традиции, хотя новые геополитические реалии сказывались на сюжете и языке белорусских летописей. Однако позднее, в конце XV–XVI вв. средневековая европейская традиция оказала серьезное влияние на белорусское летописание. Историописания XVI в. белорусского происхождения отрицают идею восточнославянского единства, характерную для древнерусских летописей и сохраненную в Летописце 1446 г.

Общей чертой европейских хроник XII–XVI вв. является негативное отношение к христианству «восточного обряда», что было обусловлено не только Великой схизмой 1054 г., но и процессом обособления веры «русской» от византийского подданства и воспринималось католическим духовенством как ересь и вызывало негативное отношение к «русинам» [2, с. 113].

Легенды и предания летописей и хроник, публицистических и религиозных произведений создавались в конкретных исторических условиях, требовавших этнического обособления и разрешения общественно-политических и конфессиональных противоречий, соответствовали политическим целям и предлагали свою генеалогию.

Наиболее ярким примером является миф о происхождении знати Великого княжества Литовского, упоминаемый в I (Летописец Великих князей Литовских 1446 г.) и II Летописных сводах (Хроника Великого княжества Литовского, 20-е гг. XVI в.), Хронике Быховца (вторая половина XVI в.). Согласно «Истории Польши» Яна Длугоша генеалогия знати ВКЛ берет начало от римского патриция, родственника Помпея, политического противника Цезаря. В «Хронике Великого княжества Литовского и Жемойтского» есть рассказ о происхождении литовской знати от родственника императора Нерона Полемона, который вместе с 500 знатными семьями сбежал из Рима. Матей Стрыйковский в «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» объяснял их бегство жестокостью вождя гунов Атиллы. Легенда приводится также в Хронике Быховца [2, с. 40, 38–39].

Первый летописный свод белорусско-литовских летописей 1446 г. имеет отдельную часть под названием «Летописец великих князей Литовских», но при этом кроме сведений по истории ВКЛ от княжения Гедимина до смерти Витовта, включает и часть общерусских летописей. Второй летописный свод, составленный в первой четверти XVI в., основная часть которого получила название «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского», акцентирует внимание на истории белорусско-литовского государства, что было означало изменение исторических условий.

Рост национального самосознания в странах Европы начинает активно проявляться во второй половине XVI – начале XVII вв., что обусловило усиление борьбы за соответствующую самоидентификацию культурную, социальную, конфессиональную и этническую. Преемницей средневековой традиции и одновременно носителем идей Реформации и Контрреформации была

религиозная полемика первой половины XVII в., обусловив дискуссии о роли и месте католичества, православия и униатства, определив тем самым два противоположных подхода к Брестской церковной унии.

Для одних ее вдохновителей уния была средством контрреформационной политики, для других – способом решения внешне и внутривосточных задач или возможностью усиления позиций православия. Конкретное воплощение идей церковного единства в виде решений Брестского собора 1596 г. вызвало недовольство рядового православного духовенства. В связи с этим противники унии (М. Смотрицкий, А. Филиппович и др.) говорили о неправомерности претензий католической церкви на первенство в Беларуси и Украине, где православного населения большинство, а православные иерархи предали веру предков из-за желания увеличить собственное политическое влияние и экономические выгоды. Полемисты как католическо-униатского лагеря (И. Потей, И. Вельямин-Руцкий и другие), так и антиуниатского (православного) опирались на библейскую традицию, приводили примеры из римской истории, житий святых и учений отцов церкви, цитировали античных авторов Платона, Аристотеля, Вергилия, Горация или хронистов М. Стрыйковского, Кромера, Длугоша.

Полемика о том, какая вера является истинной, чьи традиции более древними, а Церковь – преемницей апостольской, обусловили изучение исторического наследия и духовной традиции, истоки которой православные публицисты находили в греко-византийском наследии.

Попытки национальной самоидентификации населения Речи Посполитой, отделения «своих» от «чужих» нашли отражение в использовании самоназваний в полемической литературе. Исходя из текстов наиболее известных полемических произведений, белорусы осознавали себя одновременно православными «русинами» и гражданами Речи Посполитой, которую считали своим государством. Так, в самоидентификации Христофора Филлета, автора «Апокрисиса, албо отповеди на книжки о съборе Берестейском»: «Мы, народу Руского и Литовского обыватели», «Мы, Короны Полской и панств до ней належачих обывателей» определяется конфессиональная принадлежность: «нас Греческой релее людей», «мы, Греческой релее люде», «мы, Гречского набоженства люди» [3, Стб. 1750, 1564, 1194, 1030, 1570, 1008].

Другой известный автор-полемист Захария Копыстенский также использует понятия «россы», «Русь», «Россия», «русские»: «нас Россов православных», «роду Руского», «мы.., православная Русь». Он определяет границы Руси православной: «все Белой, и Чорной, Восточной, Полночной и на полдне лежачей Руси народове... под зверхностью патриарха Константинопольского, стале и статечне твоят» [4, Стб. 321, 503, 731, 774, 869, 894, 904, 913, 1040, 1055.]. В использованных им понятиях отчетливо наблюдается смешение этнических и конфессиональных признаков. По мнению З. Копыстенского, православие – это источник «стародавних отцовских звычаев и канонов», а религиозная уния 1596 г. ведет к тому, чтобы «Руси не было в Руси» [30, Стб. 683, 957]. Из контекста становится понятно, что в первом случае речь идет о православной вере, во втором – о территориях с православным населением.

Понятия «русская земля», «наш русский народ», «мы, Русь», «русская церковь» присутствуют в работах одного из лучших полемистов своего времени Мелетия Смотрицкого, [5, с. 163, 174–175, 177–185]. Он более точно определяет содержание этих понятий. Так, белорусские города Минск, Гродно, Слоним, Брест отнесены Смотрицким к «Литве», Пинск, Мозырь – к «Полесью», Гомель, Речица – к «Понизовью» [5, с. 183–184]. По мнению полемиста,

«русский народ» подразделяется на «Русь греческого вероисповедания», «Русь римского вероисповедания» и новую «униатскую Русь». В письме Виленскому православному братству 1629 г. он называет православие и униатство «всей русской нашей церковью» [6, с. 605–607]. А в послании 1630 г. римскому Папе Урбану VIII уже униат М. Смотрицкий называет себя «русином» и рассуждает о средствах обращения «русинов-схизматиков» в унию [7, с. 10, 13–15].

В работах Виленского униатского архимандрита Льва Кревзы можно встретить: «наша Русь», «к нашему Русскому благочестию», «Русия», «народу Руссага», «родом Русин», «в панствах Русских» [8, Стб. 162, 164, 225, 227–231, 242, 246]. Автор считал православных и униатов «исповедующими Греческую религию, но разъединенными в ней». О «в релии розрозненных русских» писал также И. Вельямин Руцкий. Он исходил из существования единого народа ВКЛ с собственными государственными и церковными униатскими традициями и обосновывал идею создания автокефальной униатской церкви [9, с. 454–461]. Названия «край русский», «Русь», «русский народ», «русские» и т.п. использовались И. Кунцевичем и авторами более поздней униатских полемических произведений [10, с. 82].

Православное и униатское население Речи Посполитой называлось официальными властями и Ватиканом также «русинами», «русью». Униаты («которые суть в унии костела светого Римского») и православные («которые в той унии не суть») считались единым «народом Русским» в королевских грамотах 1633 г. митрополиту П. Могиле и Епископу И. Бобриковичу [30, с. 48]. К «народу русскому» обращался также и Петр Скарга [11, Стб. 228, 485, 488].

Таким образом, религиозно-полемическая литература конца XVI–XVII вв. не определяла четких границ между использованием конфессионима «Русь» и этнонима «Русь». Основным этноопределяющим признаком белорусов в это время была конфессиональная принадлежность, которая со временем приобретает все большее значение и постепенно трансформируется в идею восточнославянского единства.

Необходимость обоснования самобытности «русских земель» в Речи Посполитой определило появление исторических трактатов в стенах Киево-Печерской лавры. В большинстве историко-литературных произведений XVII – XVIII вв. роль Киева определялась как духовного центра православия, история которого излагалась с начала крещения Руси апостолом Андреем, затем княгиней Ольгой и князем Владимиром, обеспечения свободы вероисповедания в ВКЛ и дискриминацию православных в Речи Посполитой. Наиболее известными трудами в XVII в. были «Patericon» (Киево- Печерский Патерик, обработанный Сильвестром Косовым) и «Синописис» Гизеля [12; 13].

Историческая репрезентация на белорусских землях в XVII–XVIII вв. представлена эволюцией традиционных форм и возникновением новых. Новой формой сохранения исторических знаний стали мемуары в виде дневников и воспоминаний. В XVII в. получили распространение т.н. «Диариуши», повествовавшие не только о политических событиях, заседаниях сеймов и сеймиков, трибуналов, династических межуособицах и т.д., но и содержавшие подробности частной жизни шляхты и метеорологические сведения [14, с. 14–16].

Отличительной особенностью «Диариуша» Самуила Маскевича (первая половина XVII в.) является использование обеих форм: дневниковой (1594–1604) и мемуарной (1605–1621). Автор повествует о событиях Смутного времени в Русском государстве, вспоминает о своем участии в подавлении рокоша против короля Сигизмунда III Вазы и другие события

«Диариуш» Афанасия Филипповича представляет собой сборник антиуниатской полемики и мемуаров одновременно, состоящий из различных по жанру, сюжету и назначению частей, объединенных вставками, целостностью, яркостью и радикальными взглядами автора [15, с. 97–179].

Ярким памятником мемуарной литературы эпохи Барокко является «Диариуш о событиях в Польше» Альбрехта Станислава Радзивила о событиях 30–50-х гг. XVII в. Автор занимал различные государственные должности, в том числе и канцлера ВКЛ, выполнял дипломатические миссии, основал иезуитский коллегийум в Пинске.

Среди исторических памятников конца XVII – первой половины XVIII вв. выделяется Могилевская хроника – свод отдельных записей по годам, различных документальных материалов, литературных произведений и развернутых исторических описаний, то есть своеобразный дневник города, основанный на сведениях хроник и документов магистрата,

устных воспоминаниях очевидцев и собственных наблюдениях авторов, могилевского купца Трофима Сурты и представителя городской канцелярии Юрия Трубницкого. В хронике созданы яркие образы Карла XII и Петра I, А. Меншикова и И. Мазепы, содержатся сведения о событиях Северной войны.

К типу регулярных дневников относят ежедневные записи Михаила Радзивила Рыбаньки, которые составили восемь томов (первая половина XVIII в.). Мемуары или собственно воспоминания отличались от дневниковых записей ретроспективным взглядом на события, поскольку записывались по прошествии некоторого времени. В воспоминаниях Мартина Матушевича дневниковые записи сочетаются с осмыслением во времени. Его «Диариуш моей жизни» был написан через много лет, но с использованием документов и собственных записей и охватывал события 1714–1767 гг.

Мемуары выделялись жанровым разнообразием: дневники-воспоминания, воспоминания-романы (С. Пильштымова), воспоминания-автобиографии, воспоминания-генеалогии (И. Хребтович) [14, с. 17–18].

В XVII–XVIII вв. история также была представлена моделью настоящего-будущее как продолжение прошлого. Отсюда выводилась необходимость изучения прошлого. Осмысление истории в это время определялось христианской парадигмой мировоззрения, европейской гуманистической культурой и открытиями в области естественного знания.

Таким образом, можно говорить об эволюции форм исторической памяти от средневековой библейской традиции к рациональному осмыслению действительности и их преемственности. Библия и сочинения отцов церкви давали не только модель для рассказа о прошлом, но и представляли историю, служившую образцом для будущего хода события. Христианское время мыслилось как сотворенное, линейное, имевшее начало и конец, двигавшееся из вечности в вечность, стремившееся к завершению. Поэтому, труд историка состоял в том, чтобы сохранить память об этом времени, изложить относящиеся к нему факты, дать его описание, точнее представить себе его «последовательность», установить достоверную хронологию событий.

Источники и литература

1. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт. WP6/2003/07 / Л. П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
2. Семянчук, А. А. Беларуска Літоўскія летапісы і польскія хронікі: Вучэбны дапам. / А. А. Семянчук. – Гродна: ГРДУ, 2000. – 161 с.
3. Филалет, Х. Апокрисис албо отповедь на книжки о соборе Берестейском / Х. Филалет // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Кн. 2. – Стб. 1003 – 1820. – Русская историческая библиотека, издаваемая археогр. комиссиею. – Т. 7.
4. Копыстенский, З. Палинодия или Книга Обороны кафолической святой апостолской Восточной Церкви / З. Копыстенский // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1878. – Кн. 1. – Стб. 313–1200. – Русская историческая библиотека, издаваемая археогр. комиссиею. – Т. 4.
5. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т.; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. Навука, 2013. – Т. 3 : Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / аўтары тома: В. Б. Евароўскі [і інш.]; рэдкал. тома: В. Б. Евароўскі [і інш.] – 613 с.
6. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. – Вильна: Печатня губ. правл., 1867. – Т. 2. – 394 с.
7. Смотрицкий, М. Ліст Мялеція Смятрыцкага, русіна, архіепіскапа Полацкага, да святога Пана нашага Папы Урбана VIII.. 5 жніўня 1630 г. / М. Смотрицкий // Крыніца. – 1994. – № 11. – С. 10–16.
8. Кревза, Л. Оборона унии /Л. Кревза // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Кн. 1. – Стб. 157– 312. – СПб.: тип. А. Траншеля, 1878. – Русская историческая библиотека. – Т. 4.

9. «Sowita wina», сочинение, изданное латино-униатами в 1621 году // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1887. – Ч. 1, т. 7. – С. 454–461.

10. Кунцевич, И. Письмо архиепископа Иосафата Кунцевича к митрополиту Иосифу Рутскому / И. Кунцевич // Вестник Юго-Западной и Западной России. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1862. – Август, год первый, т. 2, кн. 3. – С. 81–83.

11. Скарга, П. О единстве церкви / П. Скарга // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1882. – Кн. 2. – Стб. 223–526. – Русская историческая библиотека, издаваемая археогр. комиссиею. – Т. 7.

12. Patericon albo Żywoty śś. Oyców Pieczarskich... Silwestra Kossowa. – W Kijowie w drukami Ś. Lawry Pieczarskiey Roku 1635 / Syl'vestr Kosov // Репр. вид. Harvard Library of Early Ukrainian Literature. – Volume IV. – Cambridge, Mass., 1987.

13. Жиленко, І. В. Синопис Київський. Лаврський альманах / Ред. рада: В. М. Колпакова (відп. ред.) та ін. – К.: ВПОЛ. – Спецвип. 2. : Синопис Київський / І. В. Жиленко. – 2002. – 194 с.

14. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі / Адам Мальдзіс. – Минск: Лімарыус, 2001. – 384 с.

15. Коршунов, А. Афанасий Филиппович. Жизнь и творчество / А. Коршунов. – Минск: Наука и техника. – 1965. – 184 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГТУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ